

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОМУ ОБОРОТУ НОВЫХ ВИДОВ НАРКОТИКОВ

Т. М. Судакова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация

Проблемы законодательной регламентации, дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за незаконные операции с наркотиками (все виды психоактивных веществ, иных субстанций, оборот которых преследуется уголовным законом) и социальной обусловленности таких изменений отличаются актуальностью. Они значимы и в контексте последних законодательных новаций — установления уголовной ответственности за оборот новых видов наркотиков — «новых потенциально опасных психоактивных веществ» (ст. 234.1 Уголовного кодекса РФ). Социальную обусловленность данной нормы следует понимать с позиции закономерной общественной опасности и распространенности оборота веществ, не включенных в соответствующий Перечень наркотиков, подлежащих контролю в России, имеющих при этом специфическую химическую структуру, и сходных по психоактивному воздействию на организм с запрещенными наркотиками. Это необходимо для познания целесообразности законодательных изменений. Вопросы социальной обусловленности нормы ст. 234.1 Уголовного кодекса РФ рассмотрены на основе соотношения понятий «социальная обусловленность», «социальная ценность», «эффективность». Отсутствие данных официальной статистики Министерства внутренних дел РФ о возбужденных по признакам данного состава преступлений дел, и, соответственно, судебной практики по применению нормы ст. 234.1 Уголовного кодекса РФ ставит вопрос об отсутствии социальной ценности и эффективности данной нормы. Внешние условия ее неэффективности детерминированы целым комплексом факторов, среди которых изначальное несовершенство законодательной конструкции, потенциальная порочность механизма реализации данной нормы. Все усилия законодателя в данном контексте имеют нулевой потенциал.

Информация о статье

Дата поступления

21 июня 2016 г.

Дата принятия к печати

13 июля 2016 г.

Дата онлайн-размещения

2 августа 2016 г.

Ключевые слова

Социальная обусловленность;
уголовно-правовая норма;
социальная ценность;
эффективность; новые
потенциально опасные
психоактивные вещества;
незаконный оборот
наркотиков

SOCIAL CONDITIONALITY AND SOME LEGAL ISSUES OF COMBATING CRIMINAL TRAFFICKING OF NEW TYPES OF DRUGS

Tatyana M. Sudakova

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract

Legal regulation, further differentiation of criminal liability for illegal transactions of drugs (including all types of psychoactive substances as well as the drugs circulation of which is punishable by criminal law) and social conditionality of such changes remain burning issues. They are also important in view of the recently introduced legislative innovations that criminalize circulation of new types of drugs labeling them as «new potentially dangerous psychoactive substances» (Article 234.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Social conditionality of this provision should be understood from the standpoint of the legitimate public danger and trafficking of substances which are not included in the List of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Precursors Thereof subject to control in the Russian Federation, but have a specific chemical structure and a psychoac-

Article info

Received

June 21, 2016

Accepted

July 13, 2016

Available online

August 2, 2016

Keywords

Social conditioning; criminal law; social value; efficiency; potentially dangerous new psychoactive substances; drug trafficking

tive effect similar to the one produced by the prohibited drugs. This is necessary for understanding the appropriateness of legislative changes. This paper considers issues of social conditionality for the norm of Article 234.1 of the Criminal Code of the Russian Federation on the basis of correlation between the concepts of social conditioning, social value and efficiency. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation does not provide any official statistics on the total number of criminal cases with the elements of such offence and, accordingly, no judicial practice on applying the norm of Article 234.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is available. Therefore, it is unclear whether this provision is socially valuable or efficient. External conditions for its inefficiency are predetermined by a whole set of factors, including the original imperfection of the legislative structure as well as a potential corruption of the implementation mechanism. As a result, all efforts of the legislator have no prospects.

Дальнейшая актуализация и изучение проблем социальной обусловленности уголовно-правовых норм в настоящее время стало насущной потребностью науки. Бессистемность и субъективизм в принятии правовых решений в сфере уголовного законодательства, неадекватность уголовной политики объективным процессам развития различных сфер общественной жизни, отсутствие научной обеспеченности и ее не востребуемость во вносимых законодательных изменениях сегодня отличаются, к сожалению, стабильностью и отмечаются учеными все более настойчиво [1; 2].

Общая теория предупреждения преступности и ее уголовно-правовые аспекты в их непосредственной взаимосвязи при исследовании процессов криминализации преследуют важную задачу прикладного характера — обоснование целесообразности законодательных решений. Критическое осмысление сложившейся в стране ситуации с бессистемностью реформирования уголовного закона происходит как в направлении анализа общих тенденций такого реформирования (к примеру, изменение правового статуса конфискации имущества), так и отдельных, частных направлений (введение специальных норм об ответственности за мошенничество, декриминализация состава оскорбления и т. д.).

Целесообразность законодательных решений с позиции общей теории права базируется, как известно, на исследовании проблемы социальной обусловленности принимаемых норм, включающей в качестве первоосновы вопросы их социальной ценности и эффективности.

Социальное обоснование уголовно-правового запрета, рассматриваемое с позиции социологии уголовного права, имеет практически идентичное содержание процессу криминализации в криминологическом контексте данной проблемы. Такое понимание,

не имеющее в доктринальном толковании полного единодушия, в рамках настоящего исследования представляется отвечающим его задачам и не имеющим принципиального характера.

Признание процесса криминализации социально обусловленным должно базироваться на соответствии такого законодательного решения соответствующим социальным предпосылкам, именуемым специалистами также общественной потребностью, внутренней необходимостью, фактором возникновения уголовно-правовой нормы. В данном случае речь идет о совокупности важнейших разнородных явлений общественного развития, подлежащих учету при принятии уголовно-правовой нормы и включающих неблагоприятную динамику общественно-опасных деяний [3, с. 75; 4].

Многочисленные работы по основаниям и истокам уголовно-правовой нормы признают таковыми структурированную совокупность факторов, каждая разновидность которых детализируется путем классификации и дальнейшей самостоятельной характеристики [5].

Конкретизация рассматриваемых оснований (истоков, предпосылок, факторов) основоположниками понимания социальной обусловленности уголовного закона позволяет выделить, прежде всего, общественную опасность девиантного поведения, определяемую через существенный, чрезмерный вред общественным отношениям, повышенную распространенность этого поведения, способность общественного сознания воспринимать запрещенное деяние как преступление [6; 7]. Поскольку категория девиантности деяния (отклонения от общепринятых правил, в самом общем виде) достаточно неоднозначна, неопределенна как в сознании граждан, так и в сознании законодателя, принципиальным моментом является уста-

новление необходимости в уголовном законе. Необходимость же трактуется авторами через категорию условий, оснований, принципов, предпосылок, в качестве которых следует рассматривать социально-экономические, политические, социально-психологические особенности конкретных процессов, протекающих в реальной действительности [4, с. 40]. В качестве обязательного элемента называется также специфика криминологических особенностей какого-либо поведения и его уголовно-правовых характеристик (тяжесть, общественная опасность, специфика способа совершения, особенности личности преступника). О криминологических особенностях (в непосредственном значении этого понятия) представляется верным говорить только применительно к тенденциям тех видов поведения, которые запрещены уже существующими нормами уголовного закона, в контексте целесообразности их совершенствования, декриминализации [8, с. 96; 9, с. 141–176].

При разнообразии подходов к классификации факторов, определяющих содержание социальной обусловленности уголовно-правовой нормы, наличии целого ряда признаков, рассматриваемых в качестве оснований такой классификации, обратимся к тем из них, которые интересны в описываемом контексте.

Так, ученые в принципе единодушны в классификации факторов (источков) уголовного закона с позиции их содержания как сугубо социальных (реальные общественные отношения) и опосредованных государством (действия законодателя). Социальные истоки — собственно социальные, социально-психологические и морально-нравственные; опосредованные государством — культурно-исторические, экономические, политические, системно-правовые истоки (основания), оказывающие влияние на создание и применение уголовно-правовых запретов [5, с. 74]. Выделяемые системно-структурные факторы среди оснований, относящихся к опосредованным государственно-властным отношениям, включают процессуальную доказуемость положений нормы уголовного закона, возможности системы уголовной юстиции и судебную практику как судебную деятельность по применению правовых норм и итог этой деятельности, в результате которой детализируются и конкретизируются законы [5, с. 77–78].

Таким образом, социальная обусловленность нормы — это существование объективной на данном этапе потребности установить

запрет на совершение определенного вида поведения именно под угрозой уголовного наказания [10]. Категория социальной обусловленности детерминирована пониманием социальной потребности как объективной необходимости в охране определенной сферы общественных отношений путем запрета конкретной формы поведения. Определение законодателем такой потребности, познание реальных свойств запрещаемой формы поведения — важнейшие аспекты социальной обусловленности нормы [11].

Волеизъявление законодателя, иными словами, должно отражать сложившиеся закономерности той сферы общественных отношений, воздействие на которые путем уголовного запрета ее стабилизирует.

Учитывая этимологию термина «закономерность», следует определять его через устойчивость, повторяемость в течение длительного периода времени. Вид общественно опасного поведения, о криминализации которого стоит вопрос перед законодателем, должен характеризоваться стабильностью, устойчивостью и повторяемостью, и именно данные его характеристики формируют потребность в уголовно-правовом регулировании [10, с. 152]. При этом общественная опасность такого поведения должна достигать определенной степени, характерной именно для преступлений, вредоносность которой более высока (повышена) в сравнении с иными видами схожего поведения [12]. Не менее важным преломлением данного вопроса представляется и «очевидность общественной опасности» — критерий, требующий отдельной разработки и самостоятельного изучения.

Вопросы социальной обусловленности уголовно-правовой нормы неизбежно сопряжены с пониманием ее социальной ценности. Социальная ценность нормы уголовного закона определяется посредством отражения ею объективных закономерностей в той определенной сфере общественных отношений, на охрану которых она ориентирована с целью стабилизации в результате ее введения и реализации.

Положения о социальной ценности правовой нормы, разработанные в общей теории правовой науки, тесно коррелируют и с ее эффективностью. При этом признание эффективности нормы только при ее социальной ценности является определяющим научным тезисом. Положительный результат действия правовой нормы — способствование достижению прогрессивных целей общественного развития. Показатели эффективности нор-

мы — объективные фактические изменения, произошедшие в объекте воздействия данных норм, в соотношении с издержками, непосредственно либо опосредованно связанными с их функционированием [13].

Социальная ценность правовой нормы, однако, может быть мнимой, обусловленной ее неэффективностью, ущербностью. При этом не всякая социально полезная норма эффективна, поскольку ее неэффективность детерминирована, наряду с социальной ценностью, многими иными факторами, к примеру, недостатками законодательной конструкции, сводящей к минимуму ее потенциал, отсутствием надлежащего механизма толкования нормы, нарабатанной сложившейся практики ее применения и т. д. Они носят по отношению к эффективности внешний характер [14].

Важнейшие теоретические предпосылки раскрытия существа социальной обусловленности законодательных запретов в сфере уголовно-правового регулирования общественных отношений позволяют оценить и осмыслить нововведение, предусмотренное ст. 234.1 Уголовного кодекса РФ¹ (УК РФ). Целесообразность установления законодательного запрета на оборот в целях сбыта, а равно и сбыт новых потенциально опасных психоактивных веществ (НППВ) оцениваются через его соответствие критериям общественной опасности и распространенности деяний, причиняющих вследствие неурегулированности пагубные последствия.

В нашем случае категория социальной обусловленности преломляется через наличие объективных процессов в сфере оборота наркотиков, происходящих в России и в мировом сообществе и характеризующихся устойчивостью. Специфика таких процессов — детерминация пагубных для здоровья населения последствий вследствие неконтролируемого потребления потенциально опасных веществ, сходных по воздействию на организм с запрещенными и контролирующими психоактивными веществами, но отличающихся по своей химической структуре от последних и не имеющих мер санитарно-эпидемиологического контроля и правовой урегулированности. Безусловным при этом является тезис о том, что модели общественно опасного поведения складываются в процессе исторического развития, что

абсолютно точно отражает проблему незаконного оборота наркотиков, включающую и операции с новыми, потенциально опасными видами психоактивных веществ.

Современная наркоситуация в России в аспекте особенностей структуры наркорынка характеризуется, прежде всего, тенденцией замещения традиционных видов наркотиков новыми, синтетическими наркотиками, а также появлением иных новых видов наркотиков, не включенных в соответствующие Перечни контролируемых субстанций, согласно действующему российскому законодательству. При этом динамика распространенности таких веществ в масштабах российского наркорынка характеризуется их постоянным ростом, стремительным появлением новых потенциально опасных веществ с варьируемой, модифицированной химической структурой. Опасность их возрастает вследствие отсутствия, нередко, возможности определить экспертным путем структуру такого вещества и его наименование при высокой их концентрации. Это обстоятельство, в свою очередь, влечет высокую вероятность массовых отравлений наркопотребителей.

Проблема распространения НППВ стала актуальной в течение нескольких лет в связи с их появлением во многих странах в конце 2000-х гг. В 2013 г. Евросоюзом было принято решение об ускоренном изъятии НППВ из легального оборота в случае подозрения на их вредное воздействие, до изучения его на медико-токсикологическом уровне и о полном запрете самыми реакционными мерами в отношении веществ, несущих высокий риск здоровью, т. е. наиболее опасных из изученных таким образом веществ. Способы контроля варьируются сегодня в разных странах от полного запрета до контролируемого фарма-регулируемого [15].

При этом проблема запретительных мер в масштабах мирового сообщества связана с существенным отставанием самой процедуры внесения нового вида опасного вещества в Списки контролируемых веществ от самого процесса появления новых, отличающихся по химической формуле от запрещенных и сходных по фармакологическому воздействию на организм веществ. Совершенствуются и технологии распространения таких веществ. Сегодня ученые говорят о сетевом наркорынке на веб-платформах, который мобилен и более защищен от возможностей контроля одновременно [15].

Россию данная проблема непосредственно затронула в конце 2014 г., когда

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 3 февр. 2015 г. № 7-ФЗ // Российская газета. 2015. 6 февр.

смертельные случаи острой интоксикации были зафиксированы у 40 потребителей и около 1 000 чел. были госпитализированы. Однако и ранее, в 2010 г. были сообщения об отравлениях в Краснодарском крае, в начале 2013 г. появилась информация об отравлениях веществами неизвестной этиологии в Екатеринбурге, в Новосибирской области. В сентябре 2014 г. зафиксированы массовые отравления неизвестными субстанциями типа «спайс» в Сургуте и в Нефтекамске [16]. Череда таких последствий проявилась в ряде регионов страны. Массовые отравления со смертельным исходом были обусловлены, по мнению экспертов, значительным ухудшением качества поставляемых веществ с неизвестной на тот момент этиологией. Действия распространителей наркотиков по созданию готового к употреблению конечного продукта часто связаны с использованием некачественных ингредиентов либо неполным растворением концентрата, что влечет мощнейшую передозировку и летальный исход [15]. Новое на тот момент психоактивное вещество MDMB (N)-Bz-F спустя некоторое время было внесено в Перечень запрещенных к обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации².

Объем изымаемых веществ такого рода в России за 2012–2013 гг. резко вырос более чем на 50 %. Согласно опубликованной информации Международного комитета по контролю за наркотиками он составил 1 967 кг в 2013 г. Поставщики таких наркотиков, доминирующие на наркорынке — страны Азии³. По иной информации, представленной в 2015 г. разработчиками законопроекта о криминализации нормы ст. 234.1 УК РФ, в период с 2008 г. объем изъятия новых видов наркотиков увеличился в 130 раз и составлял в 2015 г. 22 т. Из известных на тот момент 734 видов смесей различной химической структуры и фармакологического свойства только 44 включены в официальный Перечень запрещенных веществ [17].

Длительность существующей процедуры установления запрета на оборот наркотиков путем включения их в соответствующий перечень и при этом молниеносность и постоянство появления новых формул таких

веществ, имеющих легальный (незапрещенный) характер или отсутствие санитарно-эпидемиологических требований, а также несовершенство мер контроля над аналогами наркотических средств или психотропных веществ и их производными, потребовали от законодателя экстренных действий. Такое решение выразилось в принятии запретительных мер иного формата, позволяющих, по его мнению, более оперативно вносить новые виды потенциально опасных психоактивных веществ под запрет.

Определение законодателем потребности в установлении уголовно-правового запрета на их оборот была детерминирована рядом объективных обстоятельств, носивших, по сути, экстремальный характер.

Вредоносность существования неконтролируемого оборота новых, неизвестных практике видов психоактивных веществ конкретизировалась и приобрела повторяемые в пространственном преломлении реальные проявления, прежде всего, в виде угрозы жизни и здоровью населения российских граждан. Эти параметры следует рассматривать как важную характеристику той степени общественной опасности, которая характеризуется как высокая, чрезмерная, достигающая уровня, характерного для наиболее опасных видов девиантного поведения. Безусловно, в сравнении с масштабами вреда, причиняемого оборотом известных видов наркотических средств, психотропных веществ, аналогов этих веществ, их производных и прекурсоров, оборот которых запрещен и в отношении которых установлены меры контроля, размеры и иные параметры вреда от неконтролируемого распространения НППВ не столь значительны и относительно малы. Однако эта относительная категория сравнительной «незначительности» существенно приумножается полной (а не частичной) неадекватностью мер контроля, неспособностью соответствующих структур не только поставить под контроль новое психоактивное вещество, но и, нередко, идентифицировать его.

Таким образом, резкий рост объемов изымаемых веществ нового поколения, острая интоксикация как проявившаяся реакция потребителей на их употребление, в том числе со смертельным исходом и иными тяжкими последствиями для здоровья, неподконтрольность оборота таких веществ каким-либо существующим правовым механизмам, неадекватность мировой практики противодействия настоящей угрозе выступили в роли факторов (источков, оснований)

² Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 (ред. от 1 апр. 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2014 год. Нью-Йорк. 2015. С. 99.

социальной обусловленности принятого уголовно-правового запрета⁴.

Объективная потребность криминализации нормы ст. 234.1 УК РФ в контексте глобализации проблемы проявляется через следующие параметры:

- во всем мире происходит неконтролируемое распространение новых видов психоактивных веществ;

- мировая практика противодействия этому явлению не имеет единого подхода;

- правовое регулирование включает разную степень вмешательства государства — от полного запрета оборота таких веществ до их фарма-контроля, что существенно усложняет выработку единой стратегии противодействия этому виду массового девиантного поведения.

Наркоситуация в целом, включающая обозначенные параметры, осложнилась и приобрела более негативные тенденции. Факторами ее обострения выступили сложившиеся механизмы развития наркобизнеса и его новые формы и проявления. Появление новых, потенциально более опасных веществ и их чрезвычайное и неконтролируемое распространение в России, и в мире в целом, показало в очередной раз неэффективность существующих стратегий наркополитики.

Попытки законодателя ограничить оборот наркотиков более детальной дифференциацией ответственности в зависимости от природы и происхождения этих веществ сегодня создали множество дополнительных проблем для правоприменителя.

Оценка социальной ценности нормы ст. 234.1 УК РФ через параметры ее эффективности требует отдельного внимания. Так, организационно-правовые проблемы, возникшие сразу же после вступления ее в силу, были детерминированы следующими внешними факторами в организационно-правовой сфере:

- недостаточность возможностей экспертных подразделений по идентификации новых видов потенциально опасных наркотиков;

- сложности по медицинскому освидетельствованию лиц, находящихся, вероятно, под воздействием новых видов потенциально опасных наркотиков, которое является обязательным основанием для включения новой субстанции в Реестр новых

потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен⁵ (далее — Реестр);

- несовершенство правовых основ противодействия новым видам психоактивных веществ, включающих проблемы соотношения аналога и производного с понятием «новое потенциально опасное психоактивное вещество» в случае включенности его в Реестр;

- появление новых механизмов распространения наркотиков с использованием различных высокотехнологичных способов [18].

Важным показателем эффективности данной нормы является, безусловно, и количество веществ, внесенных в Реестр, поскольку цель данной нормы — формировать Реестр, являющийся, по сути, правовой основой для привлечения к ответственности участников незаконного оборота новых видов наркотиков. И что же показывает практика? В Реестр в 2015 г. (с момента введения данной нормы) не было внесено ни одного нового вещества, а в Перечень наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов — 16 новых субстанций [18, с. 26]. Наблюдается тот же эффект, о котором говорят специалисты — предопределенность правоприменительной практики дефектами законотворческого процесса, игнорирующего криминологические оценки и прогноз последующих реалий [19, с. 128].

Социальная ценность данной нормы (ст. 234.1 УК РФ) конкретизируется и через ее способствование стабилизации общественных отношений в сфере обеспечения безопасности здоровья населения в связи с неконтролируемым распространением НППВ. Если такая стабилизация произошла или имеет нарастающую позитивную направленность, то норма «показывает» свою эффективность.

По ст. 234.1 УК РФ с момента введения ее в действие, в соответствии с данными официальной статистики МВД РФ, не было возбуждено ни одного уголовного дела в масштабах России. В опубликованных данных судебной практики упоминание об этой статье встречается лишь в апелляционных постановлениях об отказах в удовлетворении апелляционных жалоб. Последние имеют своим предметом ходатайства о приве-

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 3 февр. 2015 г. № 7-ФЗ // Российская газета. 2015. 6 февр.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 305-ФЗ // СПС «Гарант».

дении приговоров осужденных по ст. 228 и 228.1 УК РФ в соответствии с действующим законодательством и переквалификации их действий по признакам ст. 234.1 УК РФ как более мягкой, в соответствии со ст. 10 УК РФ, применение которой существенно улучшает положение осужденного. Отказы в удовлетворении ходатайств базируются на том, что вещества, изъятые из оборота у осужденных, не относятся к новым потенциально опасным, включенным в Реестр, а относятся к наркотическим средствам либо психотропным веществам, входящим в соответствующий Перечень⁶. Основной состав ст. 234.1 УК РФ, по замыслу законодателя, относится к категории преступлений небольшой тяжести, и именно это привлекает осужденных по более тяжким преступлениям.

Таким образом, у судей возникли дополнительные, обусловленные введением ст. 234.1 УК РФ основания рассмотрения приговоров в апелляционных инстанциях.

Общеизвестно, что цель противодействия преступности, как и уголовно-правового регулирования, состоит в снижении их отрицательного влияния на общество. Уголовно-правой запрет должен превентировать совершение конкретных преступлений, удерживать от их совершения. При этом социальная обусловленность уголовного закона понимается как формирование уголовной политики с учетом новых криминогенных процессов, возникающих в определенных сферах.

Политика борьбы с преступностью современного этапа страдает множеством изъянов не только правового характера, но и отсутствием многих иных критериев ее жизнеспособности и продуктивности.

«Мертвая норма», имитирующая борьбу — так можно охарактеризовать на данный момент состав преступления, ответственность за который введена Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ. Причин тому достаточно большое количество. Что будет с этой нормой, продолжит ли законодатель процесс ее совершенствования — вопрос открытый, что обусловлено и реорганизацией Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, и переподчинением ее функций, в том числе в сфере контроля за оборотом новых потенциально опасных

психоактивных веществ Министерству внутренних дел РФ⁷.

Еще при обсуждении внесенного в Госдуму законопроекта представители юридической науки, правоприменения, общественности, специалисты в области наркологии заявляли о потенциальной возможности возникновения серьезных проблем при применении нормы ст. 234.1 УК РФ. Однако законодатель не учел мнение общественности, профессионального сообщества, представления граждан в целом о целесообразности нововведения. Такие пессимистические прогнозы оправдались в полной мере, что видно, в первую очередь, из анализа опубликованной судебно-следственной практики и официальной статистики МВД РФ.

Объективная потребность в установлении уголовно-правового запрета присутствовала на момент ее принятия. Социальная обусловленность была детерминирована объективными реалиями в сфере распространения веществ, представляющих серьезную угрозу безопасности здоровья российских граждан. Устойчивая сформировавшаяся тенденция неконтролируемого распространения таких веществ, их массовое потребление и ряд серьезных последствий в виде массовой интоксикации, в том числе со смертельными исходами, вследствие употребления таких веществ как в России, так и в мировых масштабах, выступили объективными факторами введения уголовно-правового запрета, содержащегося в ст. 234.1 УК РФ. Социальная ценность данной нормы и ее эффективность, к сожалению, имеют нулевой потенциал. Ее введение отчетливо поставило перед наукой и практикой еще раз вопрос о стабильности уголовного законодательства, понимаемого через его динамичность, соответствующую объективным потребностям, т. е. характеру складывающихся общественных отношений, при «гибкости» реагирования на их существенное преобразование.

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 305-ФЗ // СПС «Гарант».

⁶ URL : <https://rospravosudie.com/court-kemerovskij-oblastnoj-sud-kemerovskaya-oblast-s/act-496082196/>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев М. М. Проблемы российской уголовной политики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. — М. : Проспект, 2014. — 296 с.
2. Лунеев В. В. Истоки и пороки уголовного законодательства / В. В. Лунеев. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 320 с.
3. Злобин Г. А. Основания и принципы уголовно- правового запрета / Г. А. Злобин // Советское государство и право. — 1980. — № 1. — С. 70–76.
4. Прокументов Л. М. Обусловленность криминализации и декриминализации деяний / Л. М. Прокументов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : Право. — 2012. — № 2 (8). — С. 138–141.
5. Маркунцов С. А. Понятие и система истоков уголовно-правовых запретов / С. А. Маркунцов // Вестник Владимирского юридического института. — 2013. — № 3 (28). — С. 71–81.
6. Кригер Г. А. Проблемы социальной обусловленности уголовного закона / Г. А. Кригер, Н. Ф. Кузнецова. — М., 1977. — 122 с.
7. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. М. Яковлева. — М. : Наука, 1982. — 304 с.
8. Сухарев С. Н. Социальная обусловленность уголовной ответственности несовершеннолетних / С. Н. Сухарев // Человек: преступление и наказание. — 2016. — № 1 (92). — С. 96–99.
9. Пудовочкин Ю. Е. Учение об основах уголовного права : лекции / Ю. Е. Пудовочкин. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 240 с.
10. Гулиева Н. Б. Социально-криминологическая обусловленность норм, характеризующих преступления против чести, достоинства и репутации / Н. Б. Гулиева // Вестник Омского университета. Сер. : Право. — 2015. — № 4. (45). — С. 151–155.
11. Аветисян С. С. Социально-криминологические особенности норм, характеризующих составные преступления / С. С. Аветисян, Э. А. Борян // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. : Юридические науки. — 2011. — № 1. — С. 7–9.
12. Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний / Л. М. Прокументов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. — 142 с.
13. Сутурин М. А. К вопросу социальной обусловленности уголовно-правовой нормы / М. А. Сутурин // Сибирский юридический вестник. — 2005. — № 1. — С. 63–65.
14. Фаткуллин Ф. Н. Социальная ценность и эффективность правовой нормы / Ф. Н. Фаткуллин, Л. Д. Чулюкин. — Казань : Изд-во Каз. ун-та, 1977. — 119 с.
15. Саранг А. Спайсы, соли и другие новые психоактивные вещества — кто виноват и что делать? [Электронный ресурс] / А. Саранг. — Режим доступа : <http://rylkov-fond.org/blog/narkopolitika/narkopolitika-rossiya/spices/>.
16. Каклюгин Н. В. «Синтетическая» Россия: прогрессирующее самоубийство наркотизирующейся молодежи. Проблемы и перспективы / Н. В. Каклюгин // Медицина. — 2014. — № 4. — С. 1–27.
17. Ленчик М. В. Пути совершенствования национального законодательства, направленного на противодействие распространению «дизайнерской» наркомании / М. В. Ленчик // Вестник Сибирского юридического института ФСИН России. — 2014. — № 4. — С. 53–62.
18. Морозов А. В. О проблемах борьбы с распространением новых синтетических наркотиков и новых психоактивных веществ / А. В. Морозов // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — 2016. — № 1 (37). — С. 22–31.
19. Дамаскин О. В. Криминологические аспекты формирования современной уголовно-правовой политики / О. В. Дамаскин // Современное право. — 2013. — № 10. — С. 127–133.

REFERENCES

1. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. *Problemy rossiiskoi ugolovnoi politiki* [Issues of the Russia criminal policy]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 296 p.
2. Luneev V. V. *Istoki i poroki ugolovnogo zakonotvorchestva* [Sources and vices of the criminal legislation]. Moscow, YurLitinform Publ., 2014. 320 p.
3. Zlobin G. A. Foundations and principles of the criminal and legal ban. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet state and law*, 1980, no. 1, pp. 70–76. (In Russian).
4. Prozumentov L. M. Conditionality of criminalization and decriminalization of a deed. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Law*, 2012, no. 2 (8), pp. 138–141. (In Russian).
5. Markuntsov S. A. The concept and system of the sources of the criminal law prohibitions. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law University*, 2013, no. 3 (28), pp. 71–81. (In Russian).
6. Kriger G. A., Kuznetsova N. F. *Problemy sotsial'noi obuslovlennosti ugolovnogo zakona* [Issues of the criminal law social conditionality]. Moscow, 1977. 122 p.
7. Kudryavtsev V. N., Yakovlev A. M. (eds) *Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya* [Foundations of the criminal and legal ban. Criminalization and decriminalization]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 304 p.
8. Sukharev S. N. Social conditionality of criminal liability of minors. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: crime and punishment*, 2016, no. 1 (92), pp. 96–99. (In Russian).
9. Pudovochkin Yu. E. *Uchenie ob osnovakh ugolovnogo prava* [Foundations of criminal law]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 240 p.

10. Gulieva N. B. Socio-criminological conditionality rules describing crimes against honor, dignity and reputation. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Omsk University. Series: Law*, 2015, no. 4. (45), pp. 151–155. (In Russian).

11. Avetisyan S. S., Boryan E. A. Social and criminological characteristics of norms characterizing the composite crimes. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Vector of Science of the Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2011, no. 1, pp. 7–9. (In Russian).

12. Prozumentov L. M. *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyanii* [Criminalization and decriminalization of actions]. Tomsk University Publ., 2012. 142 p.

13. Suturen M. A. On the subject of social conditionality of the criminal and legal norm. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2005, no. 1, pp. 63–65. (In Russian).

14. Fatkullin F. N., Chulyukin L. D. *Sotsial'naya tsennost' i effektivnost' pravovoi normy* [Social value and efficiency of the legal norm]. Kazan University Publ., 1977. 119 p.

15. Sarang A. *Spaisy, soli i drugie novye psikhoaktivnye veshchestva — kto vinovat i chto delat'?* [Spices, salts and other new psychoactive substances: who is to blame and what to do?]. Available at: <http://rylkov-fond.org/blog/narkopolitika/narkopolitika-rossiya/spices/>.

16. Kaklyugin N. V. «Synthetic» Russia: the progressing suicide of the drugs consuming youth. Issues and prospects. *Meditsina = Medicine*, 2014, no. 4, pp. 1–27. (In Russian).

17. Lenchik M. V. Ways of improving national legislation that combats designer drugs distribution. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii = Bulletin of the All-Russian Institute for the Advanced Training of the Interior Ministry Officers*, 2014, no. 4, pp. 53–62. (In Russian).

18. Morozov A. V. About the problems of combating the spread of new synthetic drugs and new psychoactive substances. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii = Bulletin of the All-Russian Institute for the advanced training of the interior ministry officers*, 2016, no. 1 (37), pp. 22–31. (In Russian).

19. Damaskin O. V. Criminological aspects of formation modern penal policy. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2013, no. 10, pp. 127–133. (In Russian).

Информация об авторе

Судакова Татьяна Михайловна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: crime@mai.ru.

Author

Tatyana M. Sudakova — PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Process, Law Institute, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: crime@mai.ru.

Библиографическое описание статьи

Судакова Т. М. Социальная обусловленность и некоторые правовые проблемы противодействия преступному обороту новых видов наркотиков / Т. М. Судакова // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2016. — Т. 26, № 4. — С. 643–651. — DOI : 10.17150/2500-2759.2016.26(4).643-651.

Reference to article

Sudakova T. M. Social conditionality and some legal issues of combating criminal trafficking of new types of drugs. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Bulletin of Irkutsk State Economics Academy*, 2016, vol. 26, no 4, pp. 643–651. DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(4).643-651. (In Russian).